

А.В. КОТИНА, В.В. СИМОНОВ
A.V. KOTINA, V.V. SIMONOV

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ В СВЯЗИ С НАХОДКОЙ ФРАГМЕНТА ПЕРИРРАНТЕРИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИГОРОДЕ НИМФЕЯ¹

SOME CONSIDERATIONS IN CONNECTION WITH THE DISCOVERY OF A FRAGMENT OF PERIRRANTERIUM IN THE SOUTHWESTERN SUBURB OF NYMPHAION

В 2023 г. Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством В.Н. Зинько проводила охранно-археологические раскопки в северо-восточной части мкр Героевское (Эльтиген), Керчь. Работы велись в границах объекта культурного наследия «Участок культурного слоя античного времени» по линии трассы строящегося водопровода на двух раскопах. Раскоп I (80 кв.) был заложен вдоль ул. Рубежной с ее северо-западной стороны, на участке между домовладениями №2-28. Раскоп II (58 кв.) – на участке, примыкающем к ул. Рубежной с юго-востока между домовладениями № 17 и № 21 (рис. 1).

Участок, где находился раскоп II, представляет собой пустырь, ограниченный ул. Рубежной на северо-западе и жилой застройкой на юго-западе и юго-востоке (домовладения № 19А – 25 по ул. Рубежной, № 27, по ул. Рубежной и № 1-4 по ул. Угловой, соответственно). С северо-востока с участком граничит территория гостевого дома «Героевский Олимп» (ул. Рубежная, 17). Поверхность участка сравнительно ровная, с незначительным уклоном к северо-востоку. К моменту начала работ – местами задернована, с сохранившимся травяным покровом, местами – подверглась интенсивному антропогенному воздействию в ходе строительных работ последних лет, в результате чего травяной покров, а кое-где и дерново-гумусный слой полностью уничтожены.

---

¹ Авторы выражают глубокую благодарность начальнику Боспорской охранно-археологической экспедиции д.и.н. В.Н. Зинько за возможность опубликовать представленный ниже материал.

Мы также искренне признательны коллегам: младшему научному сотруднику ИА РАН И.А. Котиной и старшему научному сотруднику отдела городище и некрополь ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Е.С.Лесной – за помощь в поисках аналогий; доктору искусствоведения, старшему научному сотруднику Отдела античного мира Государственного Эрмитажа А.Е. Петраковой и к.и.н. старшему научному сотруднику Института археологии и культурного наследия НИУ СГУ им. Н.Г. Чернышевского Н.Б.Чурековой – за консультации и помощь в определении некоторых материалов, к.и.н., старшему научному сотруднику Отдела античной археологии ИА Крыма РАН А.А. Супренкову – за профессиональный перевод отдельных статей каталога «Sur les pas des archéologues Appolonia du Pont. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie».

В ходе проведенных работ на раскопе II было выявлено 55 хозяйственных ям конца VI – V вв. до н.э. (рис. 2.1). В некоторых из них найдены предметы, представляющие значительный интерес, среди которых наиболее заметными были находки из ямы № 30 (рис. 2.2).

Яма № 30 – северная в группе из трех ям (№ 28-30), последовательно примыкающих друг к другу по линии север-юг в квадратах № 20-21. Из-за характера грунта, который представляет собой переотложенные слои, сформировавшиеся в результате антропогенного воздействия последних десятилетий, объект зафиксирован на уровне материковой глины (в котором выкопана нижняя часть всех ям) на глубине 1,74-1,93 м от уровня дневной поверхности, в связи с чем представление о конфигурации ямы в целом получить не удалось. На уровне фиксации яма, в плане, округлой формы диаметром около 1,6 м, глубиной 1,01-1,12 м, заметно расширяющаяся ко дну (диаметр дна 2,10-2,30 м). Дно ровное, с небольшим уклоном к северу. Заполнение неоднородное: в северной части ямы – вертикальный пласт плотного светло-коричневого суглинка; в южной – наклонная насыпь из такого же, но более рыхлого суглинка с включениями мелких и средних известняковых камней и каменной плитой округлой формы, диаметром 0,42 м, лежащей практически по центру ямы, в 0,10-0,15 м от ее дна; все остальное пространство заполнено серо-коричневым золисто-суглинистым грунтом с мощными прослойками очень рыхлого светло-серого золистого грунта (рис. 3).

Керамический материал из ямы представлен следующими находками: закраиной красноглиняного лутерия, фрагментами профильных частей лесбосских сероглиняных и красноглиняных амфор, ножками хиосских пухлогорлых амфор, стенками клазоменских и хиосских амфор с полосами лака, закраиной и несколькими стенками лепного горшка (рис. 4.1). Среди коллекционных и индивидуальных находок можно отметить: фрагмент горла лесбосской сероглиняной амфоры с оттиском геммы (?) в виде храма или колонн (?), который, судя по аналогиям, следует датировать вт. пол. VI в. до н.э.; терракотовое изделие, возможно, фигурка животного; каменный оселок и каменное плоское грузило (Коллекционная опись БОАЭ-2023, №, соответственно: 94, 96, 97, 98) (рис. 4.2). Костей животных, характерных для подобного рода ям, обнаружено не было. Судя по материалу, яму можно датировать вт. пол. VI – вт. пол. V вв. до н.э.

Более всего обратила на себя внимание находка, первоначально определенная нами, как фрагмент терракотового алтаря (Коллекционная опись БОАЭ-2023, №95) (рис. 5). Он представляет собой обломок профилированного толстостенного предмета, в целом, видимо, имевшего форму усеченного конуса, полого внутри. Выполнен из глины (поверхность – 2.5 YR 6/6 light red). Цвет глины в изломе варьируется от бежево-розового (5YR 6/3 light reddish brown) до светлого, серого (7.5YR 6/1 gray), что связано, вероятно, с характером обжига. Структура рыхлая, пористая, с включением мелких частиц темного цвета и небольшого количества мелких осколков толченых раковин. Поверхность снаружи покрыта бежево-ро-

зовым ангобом (5YR 7/4 pink); на внутренней поверхности сохранилась светлая обмазка (2.5Y 8/2 pale brown). Цвет и характер глины напоминает продукцию Клазомен. Внешняя поверхность, как можно предположить, выше утраченного выступающего края украшена рельефным орнаментом, выполненным штампом. Овы (ионики греческого типа – удлинённой формы), обрамленные выпуклыми валиками, пространство между которыми заполнено обращенными вверх стрельчатыми листьями (так называемый цветочный декор – fleuronnés), образующие полосу шириной 2,5 см, заключены между полосами стилизованного² жемчужника шириной 1,0 см. Размеры фрагмента: 12,0x10,5x6,5 см. В связи с тем, что край обломан, точно реконструировать габаритные размеры целого предмета сложно. Внутренний его диаметр составлял 13 см, внешний – не менее 25 см. В одном месте на поверхности разлома частично сохранился вертикальный сквозной канал диаметром около 5 мм – возможно, след от ремонта или технологическое отверстие, предназначенное для монтажа³.

То, что алтари повсеместно использовались в ритуальной практике древних греков, широко известно. Известно и то, что в зависимости от их конкретного назначения они были разного размера, формы и могли изготавливаться из камня, глины или других материалов [Кобылина, 1984, с. 221 – 222; Древнейший теменос Ольвии Понтийской, 2006, с. 53 – 67]. Тем не менее, археологические находки подобного рода достаточно редки, и каждая из них достойна самого пристального внимания, особенно учитывая то, что на сегодняшний день обобщающей работы по алтарям Северного Причерноморья нет [Масленников, 2021, с. 276].

В отечественной литературе мы встретили фактически только одно упоминание о находке, подобной нашей. В 1939 г. в ходе исследований Тиритаки, проводившихся Боспорской археологической экспедицией ИИМК АН СССР под руководством В.Ф.Гайдукевича, на участке XIV при раскопках архаического здания были найдены обломки глиняного предмета [Гайдукевич, 1952, с. 79]. Судя по сохранившимся фрагментам, «предмет в целом виде был внутри полый и состоял из верхней вертикальной цилиндрической части ... и широкой подставки. Вверху последняя имеет наклонные стенки, внизу – отвесные. Чтобы придать большую прочность основанию, нижний край подставки изнутри слегка утолщен» [Гайдукевич, 1952, с. 80] (рис. 6.1).

² Под стилизованным в данном случае мы имеем в виду то, что в качестве повторяющихся элементов декора, использованы квадраты, вместо обычных овалов или полусфер. Видимо, подобное отличие считается не столь существенным, поскольку подобный декор часто также уверенно называют «жемчужником» (см. напр. [Пантикапей и Фанагория..., 2017, с. 221]).

³ Как отмечает турецкий исследователь проф. Х. Джевизоглу (Hüseyin Cevizoğlu), на некоторых из подобных предметов есть отверстия, предназначенные для монтажа – соединения их отдельных частей с помощью «металлических шпилек». Правда, приводимые им иллюстрации, во-первых, указывают иное место расположения монтажных отверстий, во-вторых, заставляют усомниться в возможности использования указанных отверстий в подобных целях [H. Cevizoğlu, 2008, s. 292, 305].

На основании сходства с терракотовым алтарем, найденным в 1949 г. на о.Самофракии при раскопках остатков Архаического святилища в районе Арсиноя [Lehmann, 1951, p. 4-5] (рис. 6.2), В.Ф. Гайдукевич сделал вывод о том, что найденные на Тиритаке фрагменты также принадлежали алтарю. Решающими аргументами при этом были идентичность материала, тождественность конструкций, близость размеров и наличие декора, хотя самофракийский алтарь был «в нижней своей части несколько более нарядно оформлен» [Гайдукевич, 1952, с. 80].

Однако, результаты исследований последних десятилетий, проведенных, прежде всего, зарубежными учеными заставляют усомниться в точности определения в качестве алтаря самофракийской, а, следовательно, и тиритакской находки.

Так, на основании детального анализа формы предмета, характера, техники исполнения и особенностей декора болгарский исследователь П. Илиева считает, что самофракийский «алтарь» очень напоминает высокие терракотовые колонноподобные подставки с расширяющимся основанием, которые использовались для поддержки сосудов, известных под древнегреческими терминами периррантерий и лутерий. Они известны в широком географическом, хронологическом и контекстуальном кругу древнегреческого мира, а «существование сосуда на пьедестале в Святилище Великих богов на Самофракии хорошо прослеживается во множестве сопоставимых контекстов» [Илиева, 2012, p. 490].

Чаши с водой, обычно известные как периррантерии, использовались для ритуального очищения у входов в храмы и святилища еще в VII в. до н.э. (рис. 7). Известный исследователь древнегреческой религии В. Буркерт, рассуждая о границе между мирским и священным в культовой практике, отмечает необходимость очищения для преодоления этой самой границы. С этой целью «при входе в святилище ставились сосуды с очистительной водой, «perirrantéria», соответствующие кропильницам в католических храмах. Входящий окунал руку в воду и окроплял себя. Никакого специального «освящения» воды не существовало, однако часто это должна была быть не совсем обычная вода...» [Буркерт, 2004, с. 140]. Ранний тип периррантерия представляет собой широкий неглубокий сосуд, поддерживаемый центральной колонной и – по окружности – тремя или четырьмя кариатидами, каждая из которых который стоит на спине льва. В VI и V вв. до н.э. периферийные опоры исчезают, и появляется гораздо более простая форма [Fullerton Mark D., 1986, p. 41]. Отметим, что периррантерии могли быть цельными или состоять из двух фрагментов (большой чаши и опоры-подставки) (рис. 8).

По мнению П. Илиевой, морфология и декор терракотовой подставки из Самофракии соотносятся с аналогичными формами, происходящими главным образом из материковых и островных центров Северной Ионии, что предполагает связь рассматриваемого ею предмета с художественной средой этого региона. Рассматривая ряд аналогий, автор высказывает мнение о том, что самофракийская находка сильно напоминает две частично сохранившиеся подставки с острова Хиос, датированные второй четвертью - серединой V в. до н.э., отмечая в качестве отличий,

в числе прочих элементов декора, широкую рельефную полосу «со стоячим ионическим орнаментом». Использование стилистически однородных фризів ионического киматия, выполненных штампом, часто окаймленных более узкими полосами бисерного узора или просто одиночными фризами последнего, по-видимому, было широко распространенным и предпочтительным способом украшения подставок и сосудов в мастерских Северной Ионии второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. [Шиева, 2012, р. 490].

Далее, еще раз подтверждая принадлежность самофракийской находки к стилю, разработанному в североионийских материковых центрах, таких как Клазомены, Колофон и Смирна, с оговоркой, что наличие сложного рельефного декора может являться хронологическим маркером, указывающим на поздний архаический период (в отличие от хиосских, датируемых V вв. до н.э.), П. Илиева сообщает еще одну любопытную деталь. Различные рельефные узоры чаш и подставок из Клазомен были покрыты красной или серовато-коричневой глазурью по белой поверхности; чаши и подставки, датируемые второй половиной VI в. до н.э., часто имеют поверхность, покрытую либо белой глазурью, либо матово-красной глазурью [Шиева, 2012, р. 490]⁴. Здесь мы видим очень близкую аналогию и с нашей находкой, поверхность которой, напомним, покрыта светлым ангобом двух цветов.

Таким образом, предположение П. Илиевой о том, что самофракийский «алтарь» фактически является фрагментом основания подставки периррантерия, выглядит достаточно убедительным. В этой связи вполне можно допустить, что и тиритакская находка была интерпретирована В.Ф. Гайдукевичем не верно, и в архаическом здании на участке XIV также были найдены фрагменты не алтаря, а подставки аналогичного сосуда.

Как можно понять, сам В.Ф. Гайдукевич скептически относился к подобному предположению, считая, например, что «аналогичные по форме глиняные предметы, найденные Маринатосом при раскопках храма VII в. до н.э. в Дрере (о. Крит), служили также алтариками, а не подставками для сосудов с неустойчивым дном, как это предполагал издавший их руководитель раскопок» [Гайдукевич, 1952, с. 81].

Интересно, что, определяя исследованное на Тиритаке архаическое здание, как «древнейший жилой дом греческих колонистов», В.Ф. Гайдукевич именно на основании находки терракотового «алтаря», без сомнения, связывал весь комплекс «помещения А» этого дома с культом. Впрочем, если считать найденный им предмет не алтарем, а фрагментом периррантерия, предположение о культовом характере помещения остается актуальным. Правда, возникает вопрос: насколько такой предмет, как периррантерий, (учитывая их обычное использование у входов в храмы, обще-

⁴ Х. Джевизоглу в работе, посвященной большим чашам на высоких подставках (периррантерии, лутерии), отмечает, что покрытие «светлой грунтовойкой» было характерно и для хиосских периррантериев и лутериев, датируемых второй половиной VI - первой половиной V вв. до н. э. [H. Sevizoğlu, 2008, s. 291].

городские святилища), соответствовал уровню домашнего святилища, если считать таковым «помещение А» архаического дома? Хотя нельзя исключать в данном случае, как вторичное использование рассматриваемой находки, так и ее случайный характер.

Все эти рассуждения вновь возвращают нас к интерпретации нашей находки и поискам более близких аналогий, поскольку, несмотря на некоторое сходство, есть и весьма существенные различия между самофракийской и тиритакской находками и фрагментом, найденным в районе Нимфея, прежде всего, в конфигурации, параметрах фрагментов и реконструируемых на их основе частей предметов.

Если говорить чисто о внешнем сходстве, без учета конструктивных особенностей, то достаточно близки нашей находке фрагменты керамического периррантерия, найденного в Апполонии, располагавшейся на полуострове Созополь на западном побережье Черного моря, представленные в великолепном каталоге «*Sur les pas des archéologues Appolonia du Pont. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie*» [*Sur les pas des archéologues...*, 2019, p. 63, 142, 143]. К сожалению, формат издания не дает возможности детального ознакомления с интересующими нас предметами. Да и археологический контекст упоминается там лишь вскользь. Тем не менее, отметим – все эти находки датируются второй половиной VI – IV вв. до н.э., что, в целом, не противоречит и датировке нашей находки. Примечательно и то, что опубликованный в каталоге фрагмент основания подставки, по словам авторов, имеет аналогии с другими керамическими подставками, изготовленными в Клазоменах [*Sur les pas des archéologues...*, 2019, p. 143]. И все же наиболее близкой аналогией нашей находке мы считаем подставки с острова Хиос, датируемые второй четвертью - серединой V в. до н.э. (рис. 9).

Это сходство заметно сразу – идентичностью внешнего вида предметов в целом, их пропорций и отдельных элементов. Еще более очевидным оно становится при детальном рассмотрении. Прежде всего, обращает на себя внимание практически полное совпадение профилей нашей находки и одной из хиосских подставок: толщины; углов наклона поверхностей (как внутренней, так и внешней), характер и чередование (ритм) конструктивных элементов, формирующих внешний контур; расположение, вид и габариты элементов декора, а также техника его нанесения. Существенным является и тождественность повторяемых элементов декора – ов и жемчужника.

Хотелось бы остановиться еще и на моменте, связанном с возможной реконструкцией целой формы по найденному нами фрагменту. Если допустить, что он действительно является фрагментом основания подставки, то логично сравнить его размеры с соответствующими размерами аналогичных предметов. В.Ф. Гайдукевич сообщает, что диаметр его находки составляет 38 см при высоте 16 см. Похожие размеры имеет и основание из Самофракии, диаметр которого составляет 37 см [Гайдукевич, 1952, с. 80]. Французский исследователь М. Денти в большой статье, посвященной находке глиняного периррантерия с рельефным декором на холме Инкоронато в

Метапонтю (Южная Италия) приводит еще большие размеры оснований известных ему образцов, диаметр которых составляет 60 и 70 см [Denti Mario, 2005 p. 173]. Это не противоречит и утверждению М. Иоццо, характеризующему во вступительной части своего каталога периррантерий, как большую чашу, установленную на высоком цилиндре с широким и устойчивым круглым основанием [Iozzo Mario, 1987, p. 366]. Можно ли считать таковым основание диаметром около или чуть более 25 см, как мы видим на нашей находке? Вряд ли.

Если же допустить, что диаметр целого предмета был гораздо больше тех значений, которые дает реконструкция найденного фрагмента, то нижняя (как мы условно считаем) поверхность нашей находки должна была либо резко изгибаться и продолжаться вниз (образуя при этом массивный выступ с внутренней стороны предмета, что технологически сложно и функционально не имеет смысла), либо продолжаться в горизонтальной плоскости, с образованием широкой выступающей закраины для увеличения диаметра основания (и, следовательно, устойчивости) до необходимых величин. Подобной закраины нет ни на одном профиле, приводимом в работе М.Иоццо (других подобных работ нам найти не удалось, а судя по утверждению автора этот тип предметов «никогда и не рассматривался всесторонне»). Кроме того, широкая относительно тонкая закраина не только не смогла бы обеспечить дополнительную прочность конструкции, а наоборот, была бы весьма уязвима для сколов и отломов при случайном и очень вероятном воздействии. И с этой точки зрения наличие подобного элемента тоже вряд ли целесообразно. Таким образом, можно допустить, что максимальный диаметр нашей находки вряд ли мог быть намного больше 25 см.

В этой связи возникает вопрос, не мог ли этот фрагмент быть не частью основания подставки, а верхней частью опоры? Подобное, на первый взгляд достаточно смелое предположение, на наш взгляд, вполне имеет право на существование, учитывая наличие ряда аналогий, где колоннообразная или цилиндрическая опора заканчивается расширяющейся, конусообразной верхней частью, часто профилированной, или украшенной рельефным декором⁵. В таком случае и орнамент, присутствующий на данном фрагменте подставки, располагался бы срезанными концами иоников вверх, то есть в более «правильном», традиционном виде, что может служить косвенным доказательством подобного предположения (рис. 10).

В любом случае, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что керамический фрагмент, найденный в юго-западном пригороде Нимфея, является частью подставки периррантерия, возможно, произведенного в Клазоменах и датирующегося, судя по контексту и близким аналогиям, сер. V в. до н.э.

Интересно, что специальные публикации о находках подобных предметов на Боспоре нам не известны, возможно, их действительно и не находили. Есть лишь

⁵ Это предположение во время представления доклада на XXV Боспорских чтениях поддержал известный исследователь и специалист в области истории и археологии Северного Причерноморья д.и.н. Ю.А. Виноградов.

несколько упоминаний, о мраморном «периррантерионе», найденном в Горгиппии, и нескольких фрагментах мраморной чаши из Фанагории⁶ с обрывками посвящательной надписи (см. напр. [Завойкина, 2018, с. 107]). Правда, в обоих случаях речь идет именно о мраморных (а не керамических) сосудах, датируемых гораздо более поздним (римским) временем. Единственная обстоятельная работа, в которой детально описывается ряд подобных предметов, поднимаются вопросы их интерпретации, подтверждая безусловную принадлежность к культовому инвентарю, посвящена находкам Ольвии [Буйських, Шевченко, 2021].

Нельзя не упомянуть и еще об одном, на наш взгляд, весьма существенном моменте. В то время как находки периррантериев на Боспоре нам неизвестны, другие сосуды, очень часто упоминающиеся вместе с ними в одном контексте, – лутерии – пусть не массовая, но довольно обычная находка (имея в виду, конечно, их фрагменты).

Для примера можно отметить, что в ходе охранно-археологических работ Боспорской охранно-археологической экспедиции на объекте культурного наследия «Участок культурного слоя античного времени» за три сезона было найдено 59 фрагментов лутериев (рис. 11-13). Из них: 69,5% составляли закраины (в нескольких случаях с ручками, частью борта и сливом), 22% – донья, 8,5% – археологически целые предметы (полный профиль). Судя по глине, 18,6% находок были произведены в мастерских Хиоса, 17,0% – Синопы, по 10,2% – Гераклеи и Боспора. Центры производства остальных предметов не определены. Из оставшихся 44%, 23,7% были представлены красноглиняными сосудами, 20,3% – светлоглиняными.

Следует ли это считать доводом в пользу того, что на Боспоре, как Европейском, так и Азиатском единственным или преобладающим типом сосудов, использовавшихся для ритуальных омовений были именно лутерии, а не периррантерии? Как представляется, вполне можно предположить, что тип сосуда определялся статусом храма и святилища, у входа в который он был установлен, и храмов, статус которых предусматривал бы использование более эффектных периррантериев, на Боспоре было очень немного.

Конечно, можно допустить, что из-за сложности идентификации небольших фрагментов чаш, все эти фрагменты считают обломками лутериев или вообще других предметов, не особо задумываясь о точной атрибуции⁷. Так, например, при обработке материалов раскопок 2022 г. только на стадии камеральной обработки удалось определить небольшой фрагмент профилированной закраины чаши периррантерия (рис. 14.1), как оказалось, имевшего прямые аналогии с коринфскими сосудами, представленными в работе М. Йоццо [Iozzo Mario, 1987, p. 375] (рис. 14.2). Но тогда

---

⁶ Справедливости ради, следует отметить, что С.Ю. Сапрыкин ставит под сомнение принадлежность фрагментов с надписью такому типу сосудов, считая, что правильно его определить, как бассейн-нимфеум [Завойкина, 2020, с. 62; Сапрыкин, 2019, с. 147].

⁷ Подобную точку зрения высказывали и украинские исследователи А.В. Буйських и Т.Н. Шевченко, объясняя терминологическую путаницу значительным количеством находок лутериев в различных контекстах [Буйських, Шевченко, 2021, с. 43].

сложно объяснить отсутствие фрагментов подставок, если только и их не принимали за обломки каких-либо терракотовых архитектурных деталей.

Возможно, объяснение большей распространенности лутериев кроется в функциональной принадлежности этих сосудов. Как считает, например, проф. М. Денти, с терминологической точки зрения периррантерием и лутерием называли священные сосуды. Но, в то время как «лутерии на уровне терминологически-функциональном могут принадлежать к даже «частному» контексту, периррантерии в архаичном греческом мире можно найти только в святилищах» [Denti Mario, 2005 p. 181]. С ним соглашаются и испанские исследователи, отмечая, что в отношении лутериев можно видеть множество функциональных значений (наряду с множеством материалов, форм и размеров), и особо подчеркивая, что они также встречаются в сакральных контекстах, связанных с ритуальными купаниями, и с божествами, связанными с культом вод, особенно с Деметрой [F. Javier Heras Mora & Jordi Principal, 2020, p.305]. То есть лутериев было просто больше, поскольку они были более «универсальными» и применялись, как в повседневной жизни, так и в культовых действиях. В то время как периррантерии, представляющие собой исключительно ритуальные предметы, были редкостью, а, возможно, и своеобразной роскошью.

Но, если М. Денти допускает использование лутериев в качестве священных сосудов в ритуальных целях, есть и другие точки зрения. Так, например, Л.А.Голофаст, анализируя находки из двух зольников у подножия горы Митридат в Керчи, датируемых по материалу I в. н.э. и II в. н.э., и ссылаясь на мнение других исследователей, говорит исключительно о хозяйственном предназначении лутериев, никак не упоминая другие варианты их использования [Голофаст, 2013, с. 212]. Не менее категоричны в определении функциональной принадлежности лутериев Н.В. Ефремов и А.Б. Колесников. Не отрицая их многоцелевого назначения, они, отметив, что основное предназначение лутериев – гигиеническое – «мытьё тела», опять-таки перечисляют варианты исключительно хозяйственного использования [Ефремов, Колесников, 2021, с. 371-372]. Правда, здесь речь идет тоже о другом, более позднем, хронологическом периоде. Именно на этом акцентируют внимание и А.В. Буйских и Т.Н. Шевченко, высказывая предположение, что преимущественно бытовое использование лутериев следует относить, видимо, к «более позднему времени». Правда, не называя при этом точных хронологических рамок, а лишь упоминая о том, что количество лутериев в жилых домах последовательно увеличивается к концу классического – началу раннеэллинистического времени [Буйских, Шевченко, 2021, с. 43].

В этой связи очень заманчиво найти какие-либо внешние черты или характеристики, которые могли бы позволить уверенно определять назначение лутериев – использовался ли данный, конкретный сосуд только в хозяйственных целях, или его применение было совершенно иным, связанным со сферой культа. Например, не могло бы служить таким критерием наличие декора? Подобные предметы, хоть и не часто встречаются среди археологических находок, все же не являются уникаль-

ми или исключительными. Даже среди находок Боспорской охранно-археологической экспедиции на «Участке культурного слоя античного времени», о которых уже упоминалось выше, подобные предметы были. Например, фрагмент закраины гераклейского (?) лутерия с декорированной ручкой (Коллекционная опись БОАЭ-2022, № 20), или фрагмент закраины хиосского лутерия с ручкой, верхняя поверхность которой была украшена сложным орнаментом в виде чередующихся пальметт и цветов лотоса, разделенных S-образными спиралями⁸ (Коллекционная опись БОАЭ-2022, № 79) (рис. 15).

Логично предположить, что использовать в хозяйстве более сложные в изготовлении украшенные сосуды (и, видимо, более дорогие), по меньшей мере, нецелесообразно. Ведь общеизвестно, что вся хозяйственная посуда отличается лаконичностью форм, материалов и стремлением к максимальной простоте в отделке. С этой точки зрения любые украшения на предметах хозяйственного назначения, не отвечающие требованиям функциональности, представляются излишними, а, следовательно, такие предметы предназначались для совершения ритуальных действий⁹.

В любом случае, подобные предположения могут получить развитие лишь в рамках специального исследования, с привлечением большого массива археологических материалов и учетом конструктивных и стилистических особенностей изучаемых предметов, их датировок и контекстов.

Возвращаясь к вопросу о различии между периррантериями и лутериями, приведем и еще одну точку зрения, близкую к мнению проф. М. Денти. Х. Джевизоглу, отмечая, что названия эти являются предметом дискуссии и различия между сосудами, связанные с их использованием, не ясны, считает, что большие чаши, стоящие у входа в святилища, все-таки называются периррантериями [H. Sevizoğlu, 2008, s.284]. Далее, поясняет, что единственная разница между периррантерием и лутерием заключается в месте использования и назначении, хотя в древности большие чаши, называемые лутериями, тоже использовались для религиозного очищения. «Тот сосуд, который используется в таких целях, получает название периррантерий, это название определяется только намерением человека, и только в этом состоит различие» [H. Sevizoğlu, 2008, s. 284].

В этой связи интересно высказывание Александре Баралис (Alexandre Baralis) и Даниеллы Стояновой (Daniela Stoyanova), которые при публикации фрагмента подставки периррантерия, найденного на о. Сен-Кириак в 1904 г., давая определение и краткую характеристику этого типа священных, ритуальных сосудов, вдруг заявляют, что «древние авторы также использовали по отношению к ним более нейтраль-

---

⁸ Х. Джевизоглу отмечает орнамент в виде чередующихся цветов лотоса и пальметт, как часто используемый мотив в декоре изделий Хиоса, Клазомен и Смирны [H. Sevizoğlu, 2008, s. 291, 292, 293].

⁹ Интересно, что, как отмечают А.В. Буйских и Т.Н. Шевченко, в единственной на настоящий момент общей типологии керамических лутериев, разработанной на материалах Ольвии, сосуды с рельефной обработкой внешних краев выделены в отдельный тип [Буйских, Шевченко, 2021, с. 40].

ный термин лутерион» [Sur les pas des archéologues..., 2019, p. 63]. Следует ли это понимать, что, по мнению авторов (и древних, и современных) античные жители сами имели весьма размытое представление о различиях между периррантериями и лутериями, а, следовательно, функциональном их предназначении, трудно сказать.

Хотя в поисках ответа на этот вопрос нельзя не вспомнить высказывание А.А.Масленникова по похожему поводу. Обратив внимание на отсутствие (по его мнению) у современных исследователей четких критериев для определения алтарей, он, ссылаясь на определение Павла Диакона, делает вывод: «Лучше и короче (что немаловажно) о том, что такое алтарь, для чего он предназначался и есть ли разница между ним и жертвенником, – не скажешь. В словари да «Википедию» и лезть не надо: латинскому грамматiku II в. н.э. все это, безусловно, было прекрасно известно» [Масленников, 2021, с. 275]. Остается лишь сожалеть, что столь емкого и точного определения периррантериев и лутериев, также, как и указаний для чего именно они предназначались, нам не оставили современники этих интереснейших предметов.

Возможно, новые находки и дальнейшие исследования все же смогут пролить свет на эту проблему.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР. М., 1984.
- Буйських А.В., Шевченко Т.Н.* Ольвійські перирантерії // Археологія, 2021. № 4. С. 35-48.
- Буркерт В.* Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА, 1952. № 25. С. 15-134.
- Голофаст Л.А.* Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 211-241.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской // МАИЭТ, Supplementum 2. Симферополь, 2006.
- Ефремов Н.В., Колесников А.Б.* К находке клейменного римского мортария в Пантикапее: новый источник о римском военном присутствии на Боспоре // Античный мир и археология. 2021. Вып. 20. С. 368-388.
- Завойкина Н.В.* Новая посвяtitельная надпись из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Под общей редакцией В.Д. Кузнецова. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 7, вып. 4. М., 2018. С. 106-116.
- Завойкина Н.В.* Из эпиграфики Фанагории // ПИФК. № 2. М.-Магнитогорск, 2020. С. 61-70.
- Масленников А.А.* Миниатюрные алтари с античных памятников Крымского Приазовья // КСИА. Вып. 262. М., 2021. С. 275 – 282.
- Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 2017. 438 с.
- Сапрыкин С.Ю.* К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ, 24. С. 473-487.
- Denti Mario.* Περிரραντήρια figurati a rilievo nei depositi di ceramic sulla collina dell’Incoronata di Metaponto. Tracce di un’attività rituale? // Siris, 6, 2005. P. 173-186.
- Fullerton Mark D.* The archaistic perirrhantaria of Attica // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens, Vol. 55, No. 2 (Apr. - Jun., 1986). P. 207-217.

- H. Cevizoğlu.* İonia'da Arınma Gereçleri: Louterion, Perirrhanterion, Asamynthos / Pyelos // İ.Delemen u. a. (Ed.), Euergetes. Festschrift für Prof. Dr. Haluk Abbasoğlu zum 65. Geburtstag. Antalya, 2008. S. 283-308.
- Ilieva Petya.* Altar or perirrhanterion: were there water purification rites in the sanctuary of the great gods on Samothrace? // Искусство & идеология. София, 2012. С. 487-502.
- Iozzo Mario.* Corinthian Basins on High Stands // *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 56, No 4 (Oct. - Dec., 1987). P. 355-416.
- Lehmann K.* Samothrace. *Hesperia*, XX, 1951. P. 4-5.
- Munsell A.N.* Soil Color Charts. New York: Munsell Color. 2019.
- Mora F.* Javier Heras, Jordi Principal. Louteria cerámicos helenísticos en Pompeya y Risan (Montenegro) // *Acta 46: Congressus Tricesimus Primus Rei Cretariae Romanae Fautorum Napocæ Habitvs MMXVIII*. Vol. 46, 2020. P. 305-310.
- Sur les pas des archéologues Appolonia du Pont. Collections du Louvre et des musees de Bulgarie. Sofia, 2019. 524 p.

REFERENCES

- Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya // *Arheologiya SSSR*. M., 1984.
- Buisykh A.V., Shevchenko T.N. Olviiski peryranterii // *Arkheolohiia*, 2021. № 4. S. 35-48.
- Burkert V. Grecheskaya religiya. Arhaika i klassika. SPb., 2004.
- Gajdukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935-1940 gg. // *MIA*, 1952. № 25. S. 15-134.
- Golofast L.A. Prostaya goncharnaya keramika iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni u podnozhiya gory Mitridat v Kerchi // *BI. XXVIII. Simferopol'-Kerch'*, 2013. S. 211-241.
- Drevnejshij temenos Ol'vii Pontijskoj // *MAIET, Supplementum 2. Simferopol'*, 2006.
- Efremov N.V., Kolesnikov A.B. K nahodke klejmennogo rimskogo mortariya v Pantikapee: novyj istochnik o rimskom voennom prisutstvii na Bospore // *Antichnyj mir i arheologiya*. 2021. Vyp. 20. S. 368-388.
- Zavojkina N.V. Novaya posvyatitel'naya nadpis' iz Fanagorii // *Fanagoriya. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij. Pod obshchej redakciej V.D. Kuznecova. Materialy po arheologii i istorii Fanagorii*. T. 7, vyp. 4. M., 2018. S. 106-116.
- Zavojkina N.V. Iz epigrafiki Fanagorii // *PIFK*. № 2. M.-Magnitogorsk, 2020. S. 61-70.
- Maslennikov A.A. Miniaturnye altari s antichnyh pamyatnikov Krymskogo Priazov'ya // *KSIA*. Vyp. 262. M., 2021. S. 275 – 282.
- Pantikapej i Fanagoriya. Dve stolicy Bosporskogo carstva. M., 2017. 438 s.
- Saprykin S.Yu. K prochteniyu i interpretacii nekotoryh bosporskih graffiti // *DB*, 24. S. 473-487.

Резюме

В ходе исследования юго-западного пригорода Нимфея был обнаружен предмет, первоначально определенный как фрагмент алтаря. Изучение и поиск аналогий дали основание интерпретировать его как фрагмент подставки периррантерия – сосуда для ритуальных омовений, которые, как правильно, стояли у входа в храмы. В работе предприняты попыт-

ки реконструкции общего вида подставки по найденному фрагменту, а также поднимается проблема назначения и использования периррантериев и лутериев, по которой среди исследователей до сих пор нет единого мнения.

Ключевые слова: периррантерий, реконструкция, сосуд на высокой подставке, лутерий, ритуальные омовения, храм, Нимфей.

Summary

During the investigation of the southwestern suburb of Nymphaeum, an object was discovered, initially identified as a fragment of an altar. The study and search for analogies gave reason to interpret it as a fragment of a perirranterium stand – a vessel for ritual ablutions, which, correctly, stood at the entrance to the temples. The work attempts to reconstruct the general appearance of the stand based on the found fragment, and also raises the problem of the purpose and use of perirranteria and lutheria, on which there is still no consensus among researchers.

Key words: perirranteria, reconstruction, a vessel on a high stand, lutheria, ritual ablution, temple, Nymphaion.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Котина Алла Викторовна, к.и.н.,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50),
научный сотрудник,
allakotina@mail.ru
+79787775201

Симонов Владимир Владимирович,
Крымская региональная общественная
организация «Восточно-Крымский центр
военно-исторических исследований»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь,
ул. Вокзальное шоссе, д. 35, кв. 129),
председатель правления,
qvest59@rambler.ru
+79788346908

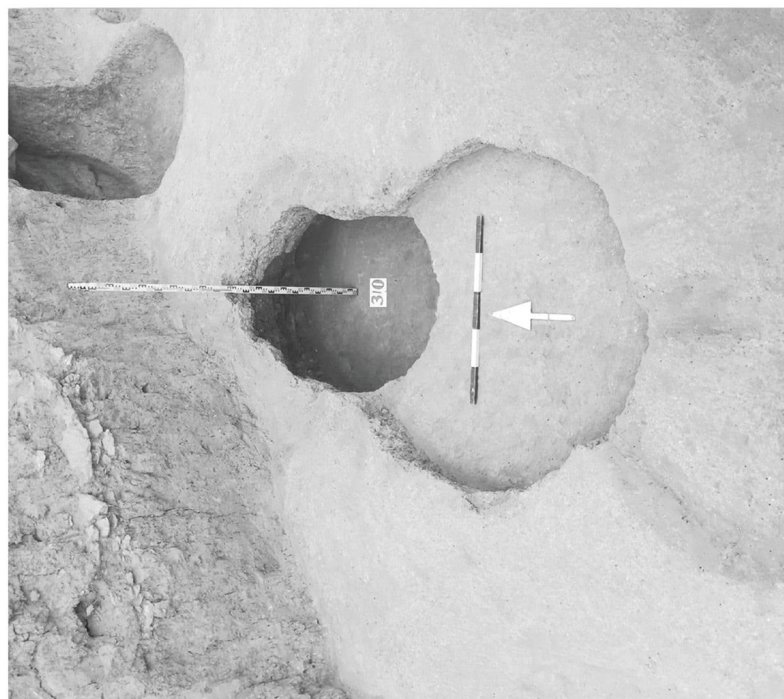
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Researcher,
allakotina@mail.ru
+79787775201

Simonov Vladimir Vladimirovich
Crimean regional public organization
«East Crimean center for military historical researches»,
Vokzal'noe shosse st., 35, Kerch, Republican Crimea,
qvest59@rambler.ru
+79788346908

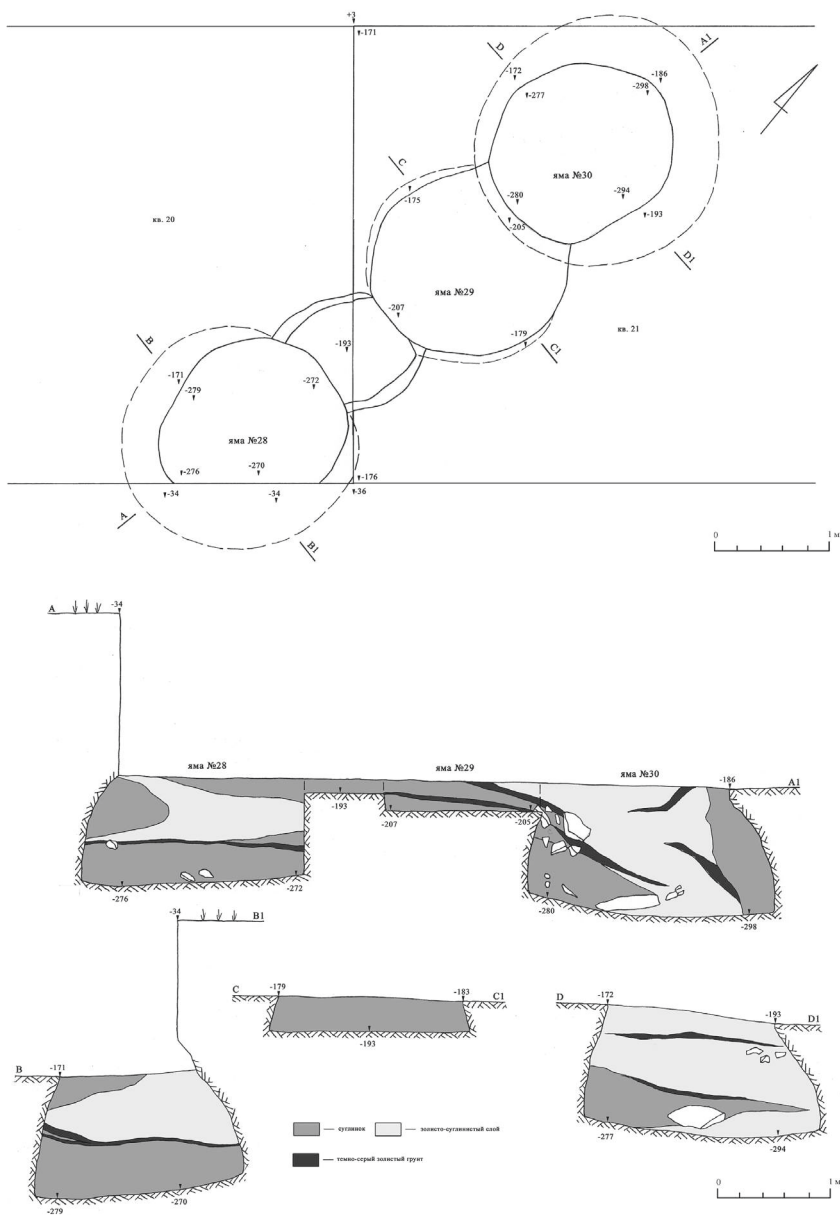

Рис. 2.1. Участок культурного слоя античного времени. Раскоп П. Общий вид траншеи с хозяйственными ямами VI – V вв. до н.э. (фрагмент).

Рис. 2.2. Участок культурного слоя античного времени. Раскоп П, кв. 21. Яма № 30, вид с юга.

Рис. 3. Участок культурного слоя античного времени. Раскоп II, кв. 20-21. Ямы № 28-30. План, разрезы.

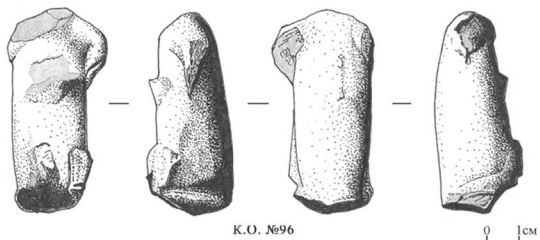
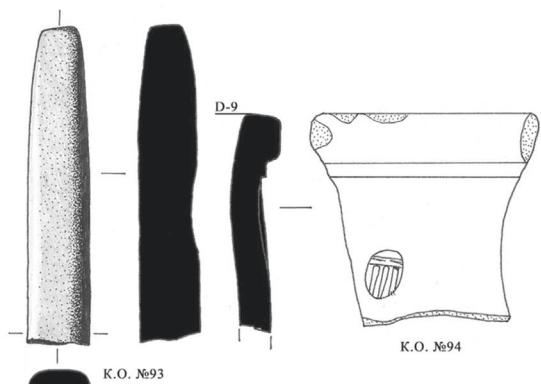
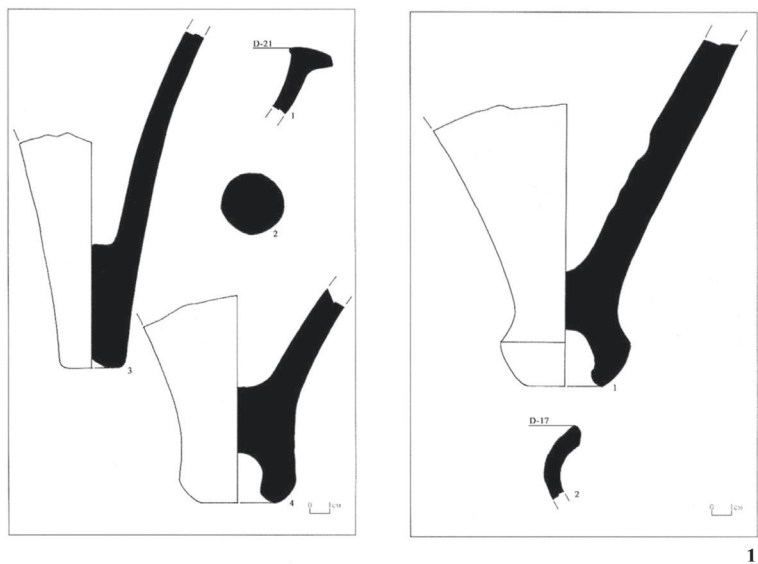

Рис. 4.1. Массовый материал из ямы № 30.

Рис. 4.2. Коллекционные находки из ямы № 30.

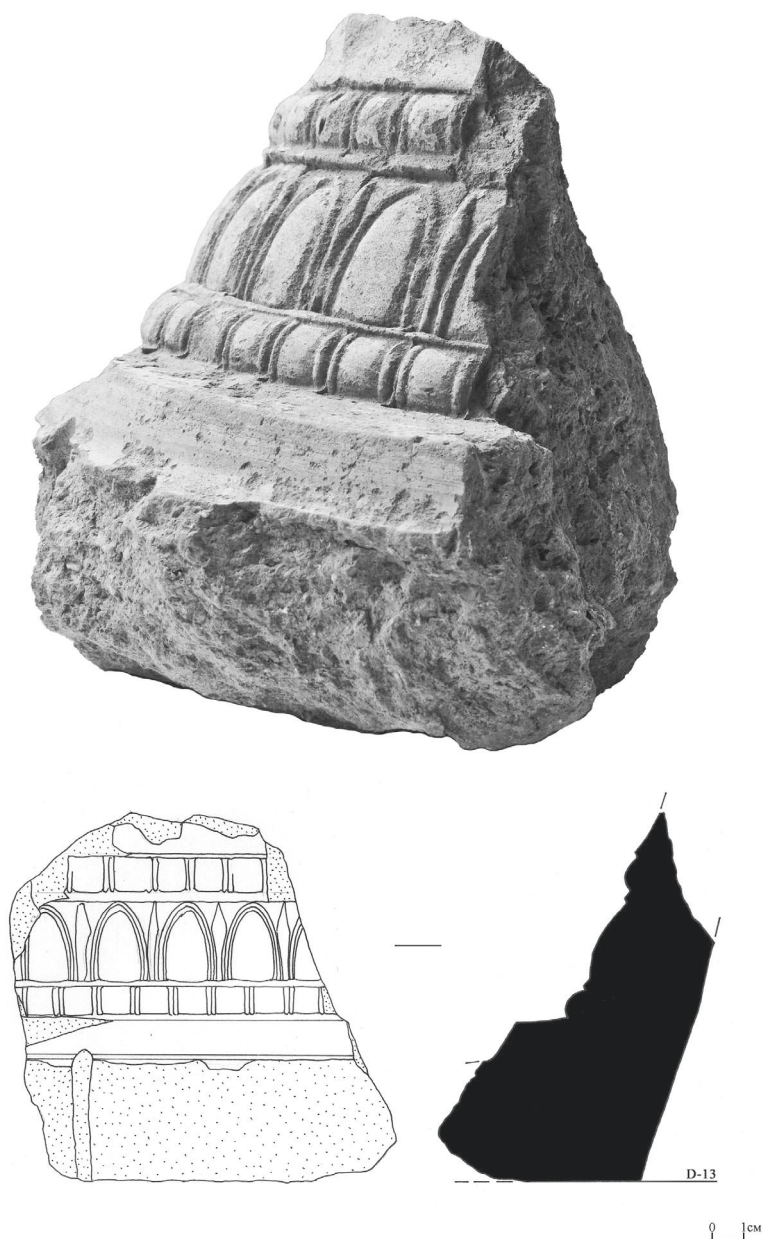
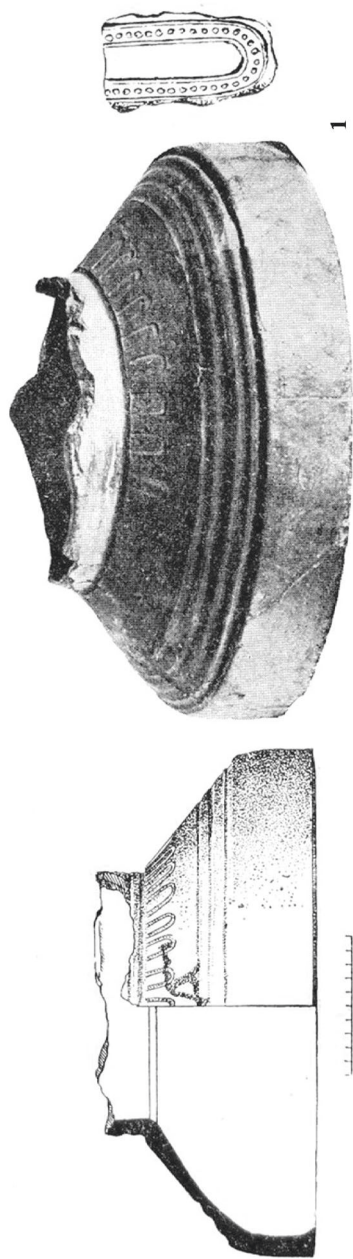

Рис. 5. Фрагмент подставки периррантерия, найденный в яме № 30.

1

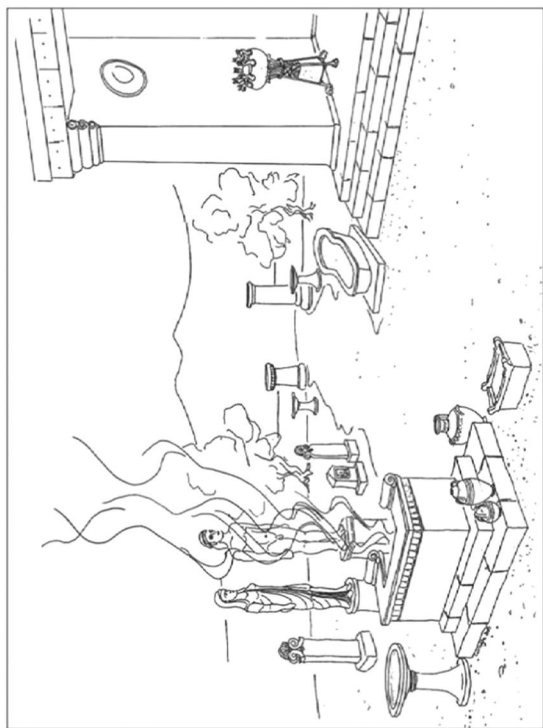

2

Рис. 6.1. Фрагменты «алтаря», найденного В.Ф. Гайдукевичем на Тиритаке в 1939 г. [Гайдукевич, 1952, с. 81].

Рис. 6.2. Теракоговые «алтари», найденный в 1949 г. на о. Самофракия [Lehmann, 1951, р. 4].

Res. 25 Arkaik Dönm Klazomenai akropolis (Canlandırma: H. Sevizoğlu)

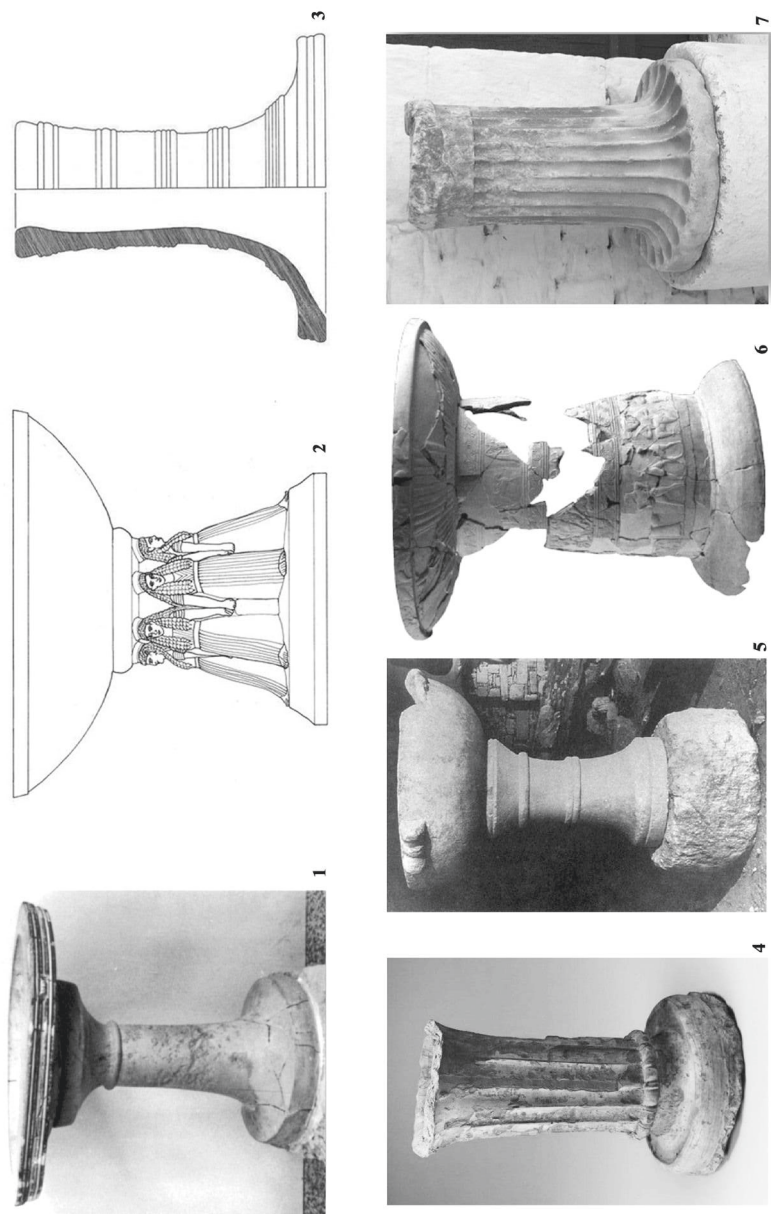
Res. 2 Dini arınma sahnesi. Attika kyliksi (Ginouvés 1962: lev. 41.135)

Res. 1 Вaнyo sahнесi. Attika kyliksi (Ginouvés 1962: lev. 18.56)

Рис. 7. Перипрантерии: бытование и использование [Hüseyin Sevizoğlu, 2008, s. 302, 308].

Рис. 8. Перирхантерии: некоторые типы и формы (1 - [Iozzo Mario, 1987, P. 375], 2 - [https://www.theacropolismuseum.gr/en/perirhanterion-base], 3 - [Hüseyin Cevizoglu, 2008, s. 305], 4 - [https://www.britishmuseum.org/collection/object/X_4340], 5 - [Hüseyin Cevizoglu, 2008, s. 302], 6 - [Denti Mario, 2005 p. 174], 7 - [https://commons.m.wikimedia.org/w/index.php?search=Perirhanterion&title=Special:MediaSearch&type=image]).

CAT. 124

Fragment de bassin de perirhanterion

Agèlle
Ville, site « Ancienne perception », 2015
Premier quart du Ve s. av. J.-C.
L. 12 cm, l. du rebord 8,6 cm
SOZOPOL, MUSÉE ARCHÉOLOGIQUE,
INV. N° 3849

CAT. 127

Fragment de colonnette de perirhanterion

Agèlle
Ville, site « Ancienne perception », 2015
Premier quart du Ve s. av. J.-C.
H. cons. 15,2 cm, L. 20 cm
SOZOPOL, MUSÉE ARCHÉOLOGIQUE, inv. N° 2585
La base de la colonnette est décorée de plusieurs bandes horizontales en relief : sept palmiers à feuilles semi-circulaires et deux palmiers à feuilles triangulaires. Les deux palmiers à feuilles triangulaires sont décorés de motifs géométriques en relief (Carrénettes).
Висновок: це фрагмент базили.
Симонів, 2007, р. 238, 245-246, 248, фг. 4, 5

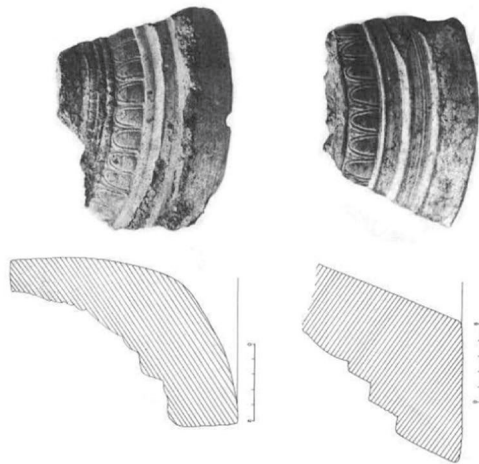

Fig. 4. Two terracotta stands from Chios (after Simantoni-Bourmia 1992, pl. 20, 24).

Рис. 9. Фрагменты керамических перирантериев из числа находок в Аполлонии, представленные в каталоге Sur les pas des archéologues Apollonia du Pont. Collections du Louvre et des musées de Bulgarie [Sur les pas des archéologues... 2019, p. 142, 143] и наиболее близкие нимфейской находке фрагменты подставок перирантериев, найденные на о. Хиос [Шева, 2012, р. 491].

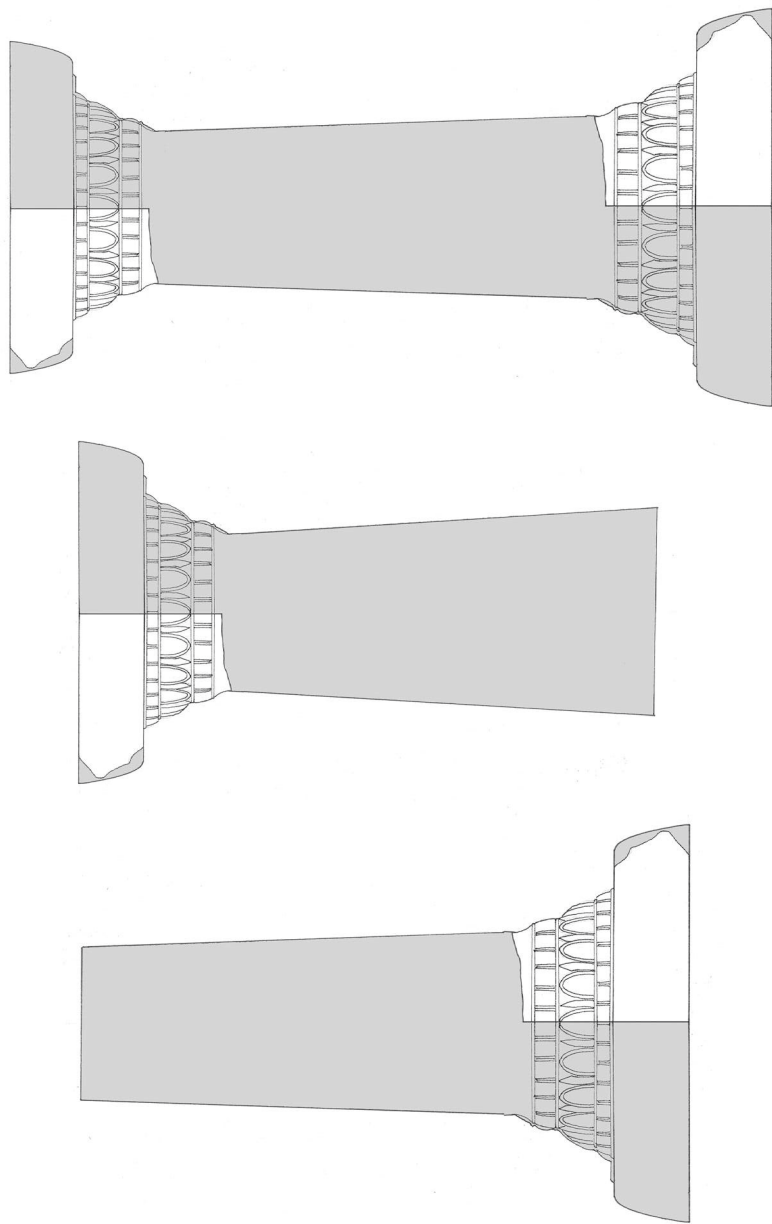
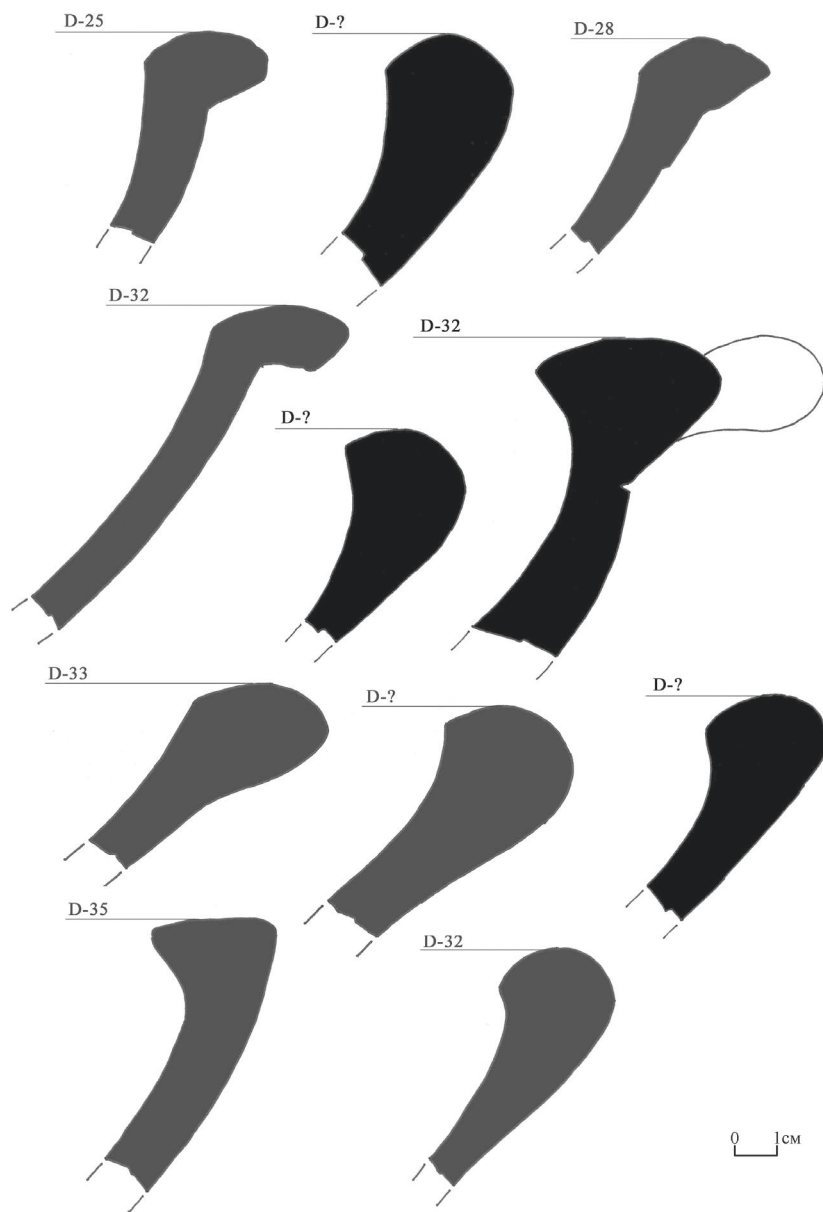

Рис. 10. Варианты реконструкции подставки периптерной колонны, найденной в юго-западном пригороде Нимфея.

Рис. 11. Фрагменты профильных частей лутериев из раскопок участка культурного слоя античного времени (2022-2023 гг.).

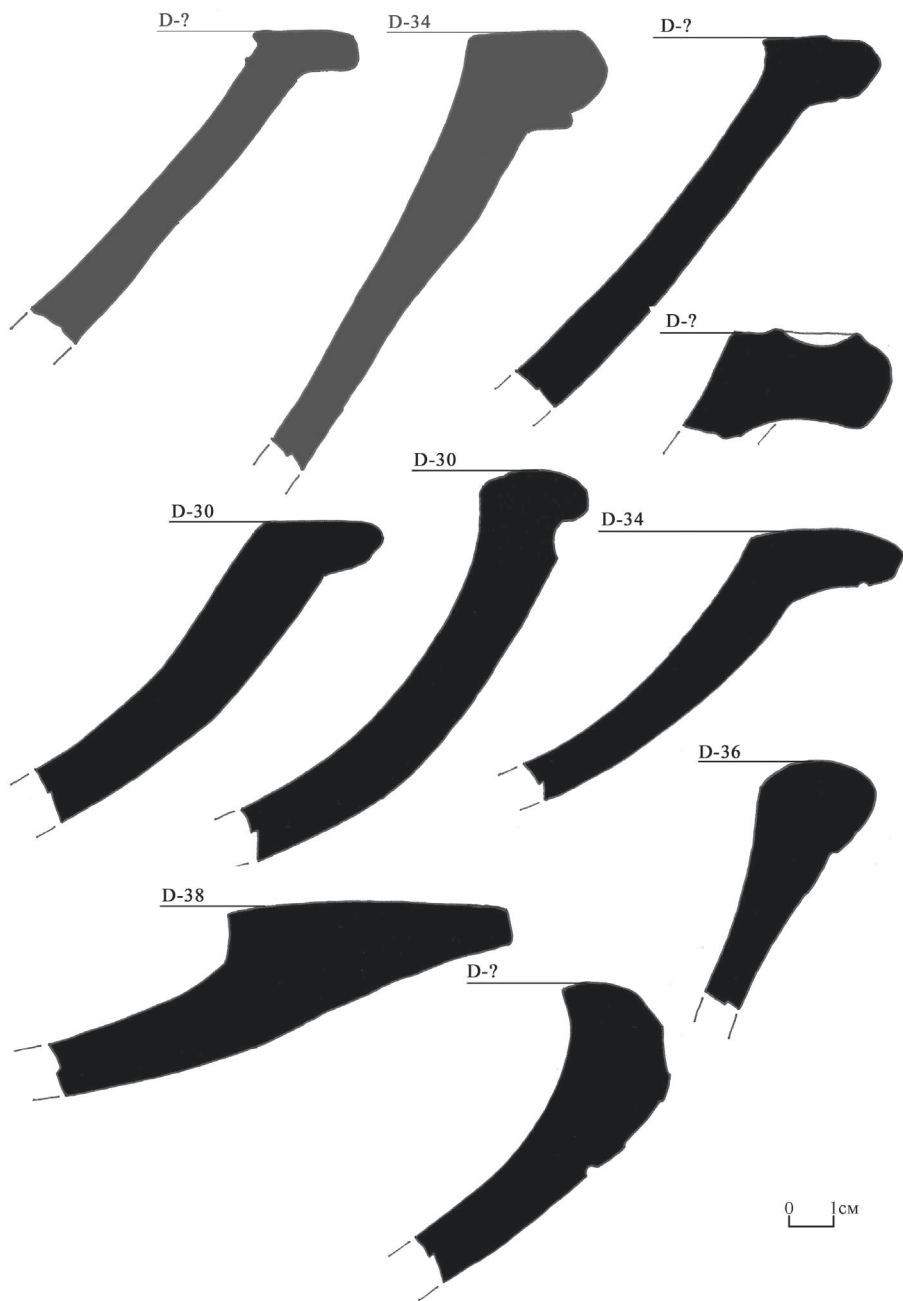
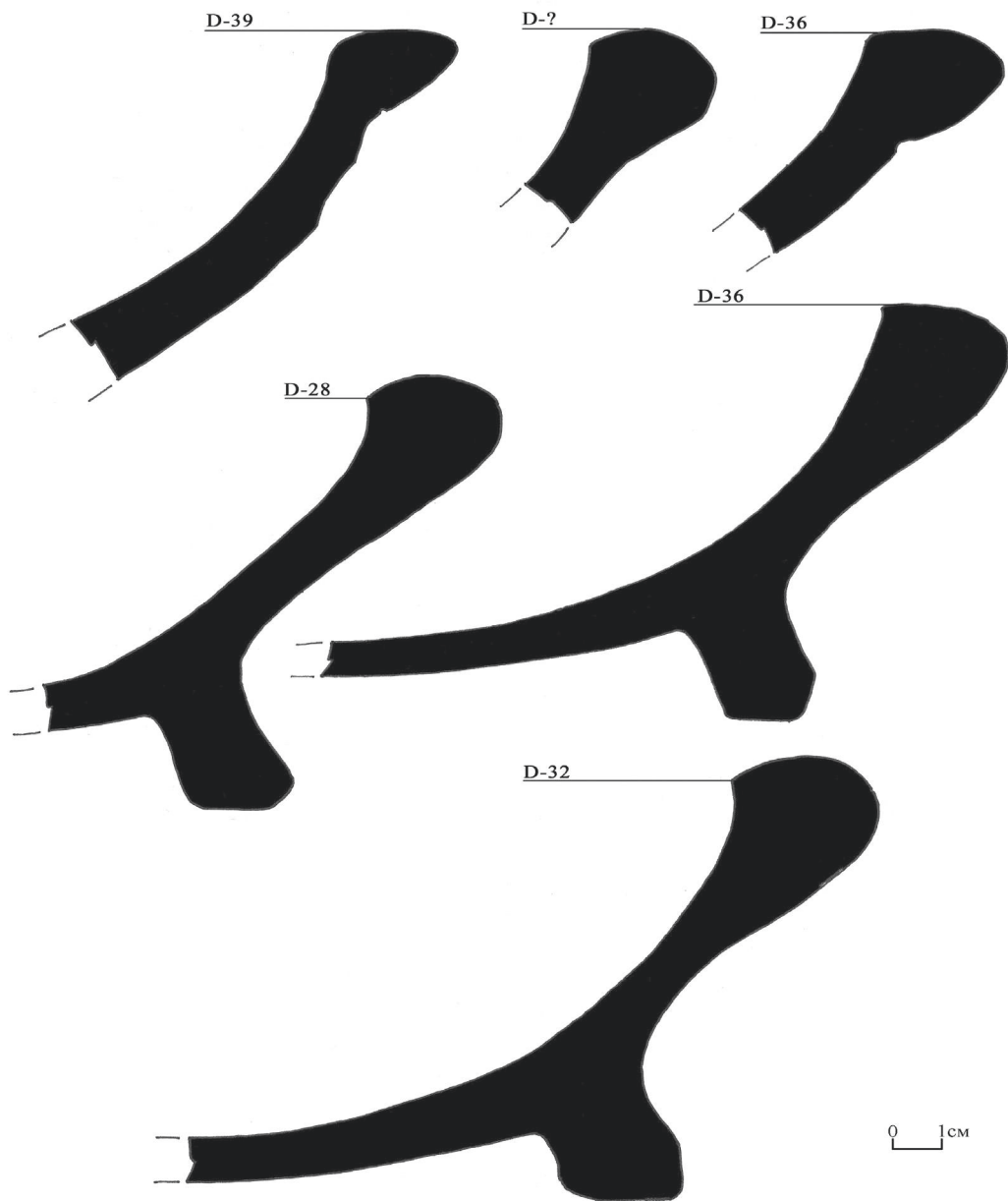

Рис. 12. Фрагменты профильных частей лутериев из раскопок участка культурного слоя античного времени (2022-2023 гг.).

Рис. 13. Фрагменты профильных частей лутериев из раскопок участка культурного слоя античного времени (2022-2023 гг.).

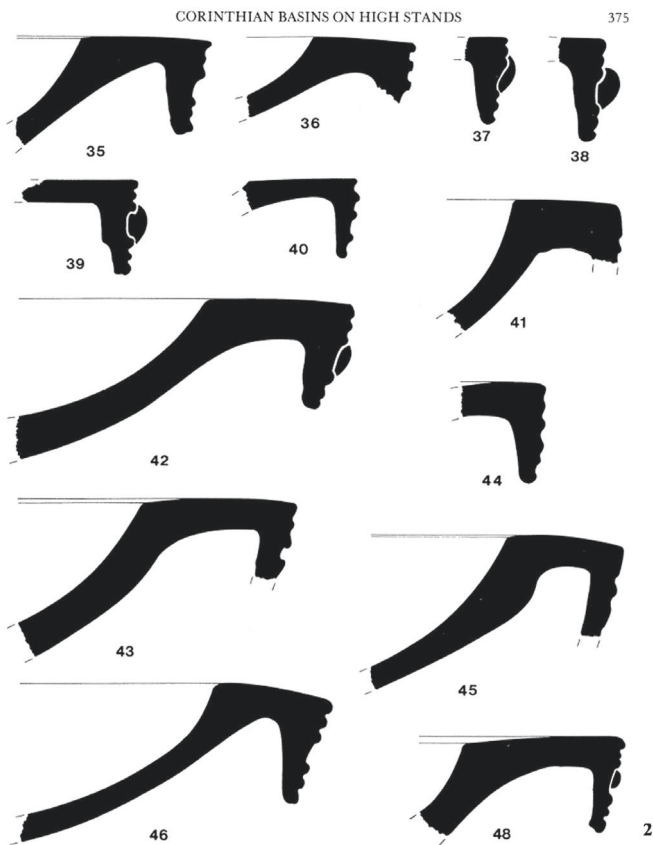
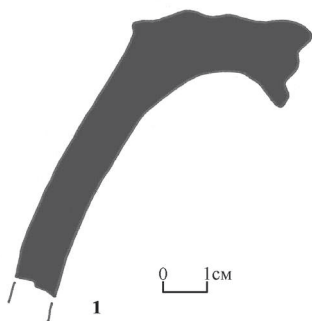
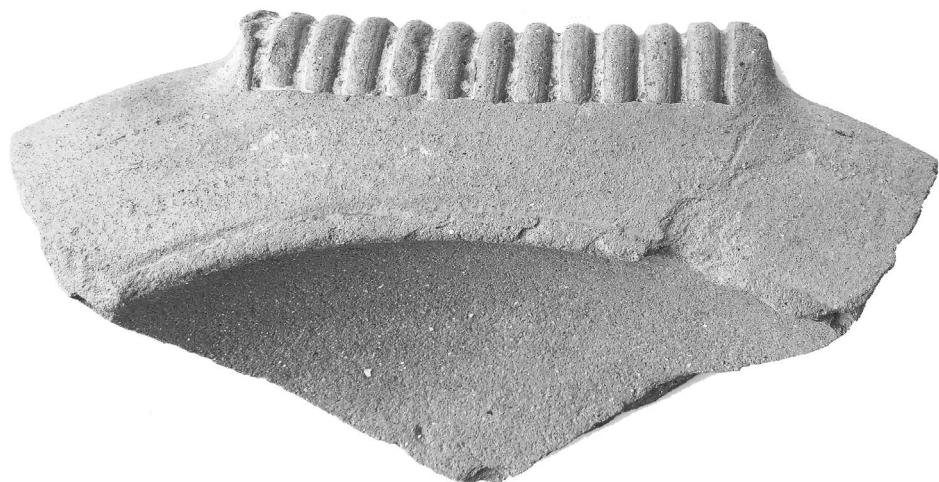

FIG. 2. Profiles. Scale 1:2

Рис. 14.1 Фрагмент чаши периррантерия из раскопок участка культурного слоя античного времени (2022 г.).

Рис. 14.2. Профильные части коринфских периррантериев из публикации М.Иозцо [Iozzo Mario, 1987, p. 375].

Рис. 15. Фрагменты декорированных лутериев из раскопок участка культурного слоя античного времени (2022 г.).